

Виктор Ерофеев

Энциклопедия русской души

Пупок

Шаровая молния

Москва, 2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е78

Ерофеев, В. В.

Е78 Энциклопедия русской души / В. В. Ерофеев. – М. :
Т8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 622 с.

ISBN 978-5-519-60854-1

Виктор Ерофеев родился в Москве, окончил философский факультет МГУ, аспирантуру ИМЛИ, кандидат филологических наук, работал в ИМЛИ АН СССР (в 1978 был принят, затем исключён как организатор альманаха «Метрополь»; восстановлен в 1988), член русского пен-центра, общественного редсовета журнала «Иностранная литература», редколлегии журналов «Вестник новой литературы» и «Стрелец», вице-президент европейского культурного клуба, член комиссии по государственным премиям при президенте Российской Федерации.

В произведениях Виктора Ерофеева отражается жёсткая, смелая внутренняя правда.

В этом сборнике представлены: «Энциклопедия русской души», цикл рассказов «Пупок» и цикл эссе «Шаровая молния».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ВІС FА
ВІSАС FІC000000

ISBN 978-5-519-60854-1

© Т8RUGRAM, оформление, 2017
© Ерофеев В. В., текст, 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ДУШИ

Я тебе люблю

Бляха

Телохранители искоса смотрели телевизор. Я пил в компании людей, которым хорошо знакома криминальная обстановка в городе. Несмотря на интеллигентный экстерьер, я готов перепить самых крепких мужиков, и три-четыре бутылки водки за вечер не производят на меня особого воздействия, разве что утром немного чешется кожа на животе. Такая особенность не раз выручала меня, но иногда приводила к непредсказуемым последствиям, что, собственно, и случилось в ту ночь.

Человек во власти сияет нездешним светом. Его влиятельное лицо охвачено всполохами затяжного экстаза. В зале резало глаза от начальства. Перепившееся руководство силовых структур, вице-премьеры, вожди и гонители демократии, государственники, главные придурки, реваншисты и прочие кремлевские красавцы гудели.

— У меня бляха лучше твоей! — раздавались голоса.

Каждый мечтал о бляхе.

— Твоя бляха — вообще не бляха.

— Я получал в месяц по четыре бляхи.

— Когда это было!

— А у меня платиновая бляха, — сказал кто-то.

Все замолчали. А я спросил:

— Вы какую бляху имеете в виду?

Они покатались со смеху.

— У тебя что, вообще нет бляхи?

— Да нет у меня никакой бляхи! — обозлился я.

Под утро им всем захотелось вместе полететь в космос. «Летите, голуби», — подумал я. Они мне тоже предложили лететь, в качестве хроникера, были и другие, не менее достойные предложения. Кончилось тем, что один из них — кажется, самый толковый и что-то даже смыслящий в литературе — завел со мной разговор о тайной стороне родной жизни.

— Я тебя читал, и ты мне не нравишься, — начал он с нормальной предутренней откровенностью, со сбившимся галстуком на белой правительственной сорочке. — Но я тебе вот что скажу: это заколдованная страна.

Я понимающе хмыкнул.

— Бермудский треугольник в подметки не годится. Тут круче. Никакие реформы у нас не пройдут, — заверил меня ведущий реформатор.

Я молча верил ему на слово.

— Была мысль найти объединяющую идею. Нашлись только разъединяющие. — Он огляделся по сторонам. — **Старик мешает.**

— Найдите лучше, — сказал я.

— Я не об этом, — скорчился реформатор и даже сделал движение, чтобы уйти непонятым, но вместо того воскликнул:

— Пал Палыч!

Подошел какой-то пьяный Пал Палыч. По виду — силовик. С болтающейся от горьких раздумий челюстью. В штатском.

— Скажи ему про старика. Он не верит.

Силовик испуганно посмотрел на начальство.

— Ну, говори, раз начал, — твердо сказал реформатор.

— Мы называем это передвижной черной дырой, — поежился силовик. — Или воронкой. Короче, хренотень.

— Закон исчезновения энергии, — пояснил реформатор.

Я радостно приветствую разговоры о всякой нечисти, но только не от пьяной власти.

— Метафоры, — подсказал я.

— Встреться с ним, — предложил реформатор.

— С кем?

— Со *стариком*. Пал Палыч организует.

— Засасывает, — скислился Пал Палыч, показывая плохие зубы вперемежку с золотыми. — Хуже тарелки.

— Я не работаю на правительство, — примирительно предупредил я.

— Личная просьба, — подчеркнул реформатор.

Призрак русской свиньи

Бывает, сидишь на балконе, пьешь чай, ведешь беседу с друзьями, спокойно, весело на душе, ничто не предвещает беды, как вдруг потемнеет в глазах, почернеет в природе, поднимутся враждебные вихри, послышится топот, в секунду все сметено, все в миг окровавится. Нет больше тебе ни чая, ни грез, ни друзей. За чаем выстраиваются километровые очереди, балкон обвалился, друзья обосрались от ужаса жизни.

И думаешь посреди всего этого великолепия:

— Спасибо, Боже, за науку, спасибо за испытания.

Враг народа

Наутро проснулся, как от толчка, с отчетливым чувством: я — враг народа. Лампа подозрительно качалась под потолком. Я подумал: все-таки перепил. От возбуждения при встрече с властью. Мы все только делаем вид, что власть нас не волнует. Обеспокоенный, спрыгнул с кровати к зеркальному шкафу, ударил заспанное лицо по щекам. Из зеркала на меня хмуро глянула немыватая морда врага народа.

«Ну, все! — решил я. — Это полный пиздец или полный вперед!»

Я и раньше, если по-честному, не был народным братом-сватом, не рыдал от сознания принадлежности. Мне знакомы минуты недоверчивого принюхивания к народу, даже приступы тошноты. Но я с этим справлялся и жил дальше, как все, с тупой надеждой на что-то.

Теперь все сделалось по-другому. Я снова лег, заснул в тоске, спал долго, без снов, проснулся в полдень: опять — враг народа. Но не в том *дедовском* смысле, будто я — контра. Или: меня оклеветали. Я никогда не верил в невинность жертв: человек вечно чем-нибудь недоволен, и это всплывает. Но я ощутил всем своим существом, что я не объявленный, а сам собой объявившийся враг народа; такое необратимо.

Что это за состояние? Я бы не взялся описать его досконально. Оно только-только вошло в меня и заполнило. Его не обозначишь пламенной ненавистью, когда хочется орать и все перечеркивать. Бешенство — расхожее объяснение в чувствах. Казни — это вообще *love story*. Здесь же было, как после бури. Осенний ветер ласково теребил занавески. В наступившей прохладности ощущений крепло презрение. Неторопливое, неогненное чувство.

Мне хотелось задавить его спортом и равнодушием. Я сел в машину, чтобы побегать на Воробьевых горах свои положенные сорок минут. Бежал трусцой и думал: смирись. Смирись: вот гроздь рябины. Река, баржа, трибуны, колокольня — смирись. Меня обдали потом немолодые офицеры, сдававшие рутинный зачет на выносливость — зажми нос и смирись. Возле их финиша ко мне метнулась штабная крыса с криком:

— Опять ты последний!

— Хуже, чем последний! — сказал я полковнику, сходя с дистанции.

Я — враг народа. Чувство не из приятных, нечем гордиться. В состав презрения входит, скорее, не высокомерие, а безнадежность. Размышляя, я пришел к выводу, что у меня даже нет информационного повода. Вчера, на прошлой неделе русские не сделали ничего чрезвычайного. Не выплыли (хотя руки чеса-

лись) на середину реки на «Авроре», не перерезали (хотя могли) младенцев. Жили как жили, пили пиво, но я уже с этим не мог смириться.

Это не значит, что я воспылал нелюбовью к конкретным людям: сдержанному дяде Сереже из Питера, которого я давно не видел и, боюсь, не узнаю в лицо; Зое Ефимовне, которой всю жизнь нравились стихи Маяковского; моим двоюродным сестренкам Белке и Стрелке, живущим в разных городах и обзаведшимся неведомыми мне детьми; обнищавшей бухгалтерше, гигантских размеров тете Славе, которая время от времени прокуренным голосом просит по телефону похоронить ее за мой счет. Толстой по-прежнему оставался автором «Войны и мира». Во всяком случае, на первых порах столпы России пребывали на своих местах.

Метаморфозе подверглось всего-то-навсего одно местоимение, затертое словечко, однако «мы» — Николай Второй русской лексики. Напрасно думать, будто наше «мы» состоит из сложения самозначимых «я». Русское «я» как элемент нежизнестойко и обретается исключительно в семейственной молекуле. Выходит, не «я» формирует идею «мы», но «мы» манифестно и речетворно. «Мы» плодит ублюдочных «я», как мелкую картошку. Все силы русского правописания — на стороне «мы», и сколько бы литературных терзаний ни вкладывать в развитие «я», они не окупятся за недостатком грамматических резервов. Взять, для примера, подсознательное мыканье Платонова и сопротивленческое яканье Набокова, чтобы увидеть разность потенциалов. На «мы» можно гавкать, как Замятин, над «мы» можно хихикать, как Олеша, но «мы» имеет самодержавное качество, известное под именем «народ».

«Народ» — одно из самых точных понятий русского языка. Оно подразумевает двойной перенос ответственности: с «я» на «мы» и с «мы» на-род: «мы-они», внешне-внутренний фактор, что означает вечные поиски не самопознания, а самооправдания. Слово «народ» зацементировало народ на века.

Несмотря на различия между сословиями, поколениями, полами и областями, русские — союз потомков, битых кнутом

и плетями. Русские — дети пытки. Там, где особенности индивидуальной жизни процветают за счет общественной, народ — метафора или вовсе несуществующее слово. В этой стране оно передает суть неправого дела.

Изначально я был смущен и щедро испытывал чувство вины. Перед тем же народом. Но, спутавшие самоуправление с самоуправством, русские превратились в слипшийся ком, который катится, вертится, не в силах остановиться, вниз по наклонной плоскости, извергая проклятия, лозунги, гимны, частушки, охи и прочий национальный пафос. Проснувшись, я осознал народ в сборной солянке, по общему настроению, которое он в себе квасит. Доходяги, интеллигенция, фаталистические позывы — все сравнялось.

Я выключил телевизор. Я перестал болеть за команду.

Моральная помощь Гитлера

Если в Париже есть площадь Сталинграда, то это не даром. По большому счету, Гитлер помог России. Он создал ей хотя и не такой железобетонный статус моральной неприкосновенности, как для евреев, но тем не менее он его создал. В 30-е годы он переманил на сторону советской России всю прогрессивную западную интеллигенцию, ставшую советскими *шпионами мысли*, в начале 40-х — весь западный мир.

Россия, лишенная неприкосновенности, не вызывает к себе уважения. Она, как правило, портит тех, кто к ней приближается. Неизменный отпечаток оставляет на всех, кто ее посетил.

Народ с «винтом» зря не рождается? — Да ладно вам! Галактики и то преило blow up. Мне надоели назидания.

Было от чего растеряться.

Стремление найти презрению эстетический эквивалент привело меня в конечном счете к умственной горячке. Она дала диковинный приплод, и, всех оттеснив, возник *вожак*, что вывел меня из моего русского мира в свой, все изменив, ниче-